

Проспав всё утро после бессонной ночи, Нин Цюянь почти полностью восстановил силы.

Проснувшись, он немного поиграл в только что скачанные игры, потом оделся и вышел из комнаты. У лестницы он невольно бросил взгляд вверх.

На третьем этаже было тихо — даже свет в коридоре не горел.

Помедлив, Нин Цюянь не стал подниматься.

Он двинулся вниз и по дороге встретил служанку, занятую уборкой.

Та шёлковым платком осторожно и неторопливо протирала большую напольную вазу, стоявшую в коридоре. Бесшумно.

Заметив Нин Цюяня, она вежливо кивнула.

Коридор уходил в глубину, ведя к другим тёмным уголкам этого здания.

Ещё один день на острове Ду, безмолвный как ночь.

Нин Цюянь вышел из дома. Всё вокруг было ослепительно белым.

Он обошёл здание по кругу, задрал голову и нашёл окно своей комнаты. Выше располагался третий этаж — этаж Гуань Хэна.

Все его окна были зашторены.

С чувством направления у Нин Цюяня было неважно, и он не мог определить, в какой именно комнате они вчера собирали пазл.

Тем более не мог угадать, в каком из этих тёмных помещений спит сейчас Гуань Хэн.

Гуань Хэн спал днём и бодрствовал ночью.

Сон у него был настолько чуткий, что весь дом подстраивался под его режим.

Нин Цюяню нечем было заняться, но скучно ему не было — ни капли. Вчерашний пазл на удивление хорошо утихомирил его внутреннее беспокойство. Он собирался пройтись к озеру, но по дороге, на небольшой поляне в лесу, наткнулся на слугу, развешивавшего горные грибы для сушки.

Впервые Нин Цюянь столкнулся с кем-то из кухонного персонала.

Грибы оказались теми самыми, что он ел вчера за ужином, — изумительно ароматные. Он и не подозревал, что они растут здесь, на острове Ду.

Слуга терпеливо нанизывал каждую мясистую шляпку на тонкий шнурок, словно мастерил тончайшее ювелирное украшение.

Солнечного света не было, но место хорошо продувалось, и грибы быстро подсушивались ветром.

Нин Цюянь долго стоял и наблюдал.

Слуга заметил его, лишь когда обернулся.

В вязаной шапке, плотно замотанный шарфом, с маленьким лицом и кротким выражением глаз — Нин Цюянь выглядел так, что расположить к себе ему не стоило никакого труда.

Он спросил, те ли это грибы, что подавали ему вчера вечером.

Разговорились. Слуга рассказал, что всю еду на острове готовит бабушка Бай, но она больше всего любит свою кухню и никогда оттуда не выходит, — потому Нин Цюянь её ни разу и не встречал.

Впрочем, бабушка Бай наверняка была не единственной, кого он здесь не видел, — как и мест, в которых ещё не побывал.

Нин Цюянь вдруг вспомнил, что дядя Кан в прошлый раз упоминал ферму.

Там, говорят, держали коров, овец, оленей.

Ему захотелось взглянуть, и он спросил дорогу.

— Найти несложно, дорога одна, — объяснил слуга, а потом предупредил: — Но до неё километров пять. Если не хочешь идти пешком, попроси дядю Кана отправить за тобой машину.

Пять километров — не так уж и далеко.

У Нин Цюяня впереди был целый свободный день.

Не желая никого беспокоить, он поблагодарил и отправился в указанном направлении.

Людей на острове было мало, да и сам остров оставался нетронутым, так что боковую тропу вблизи главной дороги пришлось искать.

Нин Цюянь потратил немного времени, прежде чем нашёл её.

Снег лежал глубоко, но на тропе виднелись следы тачки, а по обочинам стояли фонарные столбы — для тех, кто начинал свой день на острове с наступлением темноты.

Ориентируясь по фонарям, Нин Цюянь шёл больше часа. По дороге повстречал двух-трёх белок и оленя с красивыми бархатистыми рогами.

Уже начав сомневаться, не заблудился ли он, он увидел за деревьями ферму.

Несколько строений у подножия невысокого холма.

Территория была обширной, огороженной забором из неотёсанных брёвен. Посередине лежали охапки сена, несколько коров и овец жевали траву, а совсем маленький ягнёнок, едва держась на дрожащих ножках, тянулся к матери за молоком.

Нин Цюянь слегка запыхался — дорога его разогрела.

Он стоял за оградой и несколько минут смотрел.

Картина была прекрасной.

Он достал телефон, сделал несколько снимков и, дождавшись, пока ягнёнок наестся, обошёл загон с другой стороны.

В деревянном навесе содержались олени — места им тоже хватало с избытком. Они спокойно щипали сено и не обращали на постороннего ни малейшего внимания.

Ещё здесь была домашняя птица, яйца в копнах сена и крошечный огород, промёрзший до камня.

А вот людей не было.

Наверное, работники ушли куда-то по делам.

И наконец Нин Цюянь набрёл на бойню.

Помещение площадью метров сорок-пятьдесят, с цепями-подвесаами, разделочными столами, рядами железных крюков, остроконечных и широких ножей, тесаков — всё это было аккуратно развешано по стенам.

Здесь было чисто, но многолетние кровавые пятна на столешницах и полу никуда не делись.

В воздухе стоял слабый запах крови.

На стене висела туша коровы, вспоротая вдоль брюха. Перед смертью она, видимо, сопротивлялась — остекленевшие глаза были выпучены.

Нин Цюяня замутило.

Он попятился и чуть не опрокинул ведро в углу.

В ведре плескалась кровь — наполовину; чья — коровья ли, ещё чья-то — неизвестно. От толчка его пяткой жидкость всколыхнулась, и несколько капель выплеснулось на пол.

И в этот миг перед глазами Нин Цюяня вспыхнула картина.

Гуань Хэн в халате, развалившийся в кресле, лениво, с бокалом ярко-красной жидкости в руке.

Длинные волосы по плечам, опущенные ресницы. Он подносит бокал к губам и делает глоток.

А потом поднимает глаза — и в центре зрачков проступает тёмно-красный отблеск.

Сердце рванулось.

Нин Цюянь не хотел здесь оставаться. Он повернулся и вышел.

На этот раз, проходя мимо загонов с живой, тёплой, дышащей паром скотиной, он больше не оглядывался.

Он отошёл совсем немного, когда навстречу ему вышел человек.

Нин Цюянь остолбенел.

Это был тот парень с корабля — из его первой поездки на остров.

За прошедший месяц выражение лица у него нисколько не изменилось: такое же отчуждённое, закрытое.

Парень толкал перед собой тачку, гружённую сеном, одет был по-крестьянски, а наручников на запястьях больше не было. Похоже, он уже освоился с жизнью здесь.

Значит, грузовик тогда отвёз его сюда?

Это вообще-то законно — принудительный труд?

Учитывая неприятный инцидент на корабле, Нин Цюянь не рассчитывал, что парень заговорит с ним.

Тропа была узкой. Когда тот проходил мимо с тачкой, Нин Цюянь машинально посторонился — и услышал:

— Ты снова здесь.

Нин Цюянь удивился.

Первая мысль была: а он, оказывается, не немой.

Парень остановился прямо перед ним.

Они были одни — он явно обращался к Нин Цюяню.

Да, Нин Цюянь снова приехал на остров Ду. Это было запланировано, ничего удивительного. Он просто коротко подтвердил:

— Да.

Парень стоял с непроницаемым лицом:

— За то, что на корабле из-за меня ты поранился, — извини.

Нин Цюянь не умел долго злиться. Раз извинился — значит, инцидент исчерпан:

— Ничего. Уже всё прошло.

— На острове Ду раны заживают очень быстро. Любые. Если они не хотят, чтобы ты умер — всё заживёт. — Парень словно объяснял что-то — или намекал. — Поэтому нельзя приезжать на остров с открытыми ранами.

Внутри у Нин Цюяня что-то дрогнуло:

— Почему?

Но парень замолчал.

Мысли Нин Цюяня закружились: рана на его ладони... кухонный работник, которому олень пропорол бок...

Такое серьёзное ранение, а доктор Лин говорил, что тот поправится. По логике этого парня, неужели та рана тоже бесследно исчезнет — как порез на его ладони?

Разве такое возможно без всякого научного объяснения?

Они стояли друг напротив друга в молчании.

Парень явно не собирался говорить больше ни слова.

Повисла неловкая пауза.

Нин Цюянь сменил тему:

— Ты здесь работаешь?

— Два года, — ответил парень. — Я здесь только на два года.

— ...А, — отозвался Нин Цюянь.

Видимо, у него тоже был какой-то свой контракт.

Всё с тем же каменным лицом парень сказал:

— Меня зовут Гуань Цзымин.

И покатыл тачку дальше.

Нин Цюянь простоял на месте ещё какое-то время, пока наконец не сообразил: это был ответ на его слова с корабля — «привет, я Нин Цюянь».

Правда, совпадение фамилий — тоже Гуань — не давало покоя. Связан ли он как-то с Гуань Хэном?

Всю обратную дорогу Нин Цюянь был рассеян.

Остров Ду, Гуань Хэн — он, кажется, уже начинал что-то смутно угадывать, но облечь это в слова не мог.

Всё то, что он нашёл в интернете после публикации на форуме, сейчас вдруг обретало какую-то связь с тем, что он видел здесь.

Но стоило вспомнить живых людей на острове, вспомнить самого Гуань Хэна — и всё это снова казалось полным бредом.

Гуань Хэн внушал ему страх.

И в то же время — колоссальное чувство защищённости.

Из этих противоречий рождалось что-то странное, и Нин Цюянь не мог из этого вырваться. Будто попал в сеть, из которой сам не хотел выбираться.

Он стоял среди деревьев и вдруг понял, что остановился.

Сам не заметил, как сбился с тропы.

Лес казался бескрайним.

Огромные пихты, мёртвые кусты, далёкая полоска берега.

Нин Цюянь заблудился.

Он пробовал идти в разных направлениях, но вернуться на тропу не удавалось. Ферму тоже найти не получалось. Он достал телефон — компас работал, но он совершенно не помнил, с какой стороны находится особняк, с северной или с южной.

Начало темнеть.

И тут Нин Цюянь заметил заброшенный белый маяк.

Оказалось, он был совсем недалеко от моря.

Телефон показывал тридцать процентов заряда. Подсвечивая себе экраном, он подошёл к маяку.

Толкнул дверь — и закашлялся от ударившей в лицо пыли.

Внутри нашлось электронное оборудование, но всё было выключено. Зато электричество подведено.

Нин Цюянь нащупал выключатель, включил свет и полез вверх по лестнице — надеясь, что с высоты увидит дом.

Добравшись до самой верхней площадки, он зажмурился от резкого света.

Он случайно включил сам маяк.

На душе полегчало. Говорят, луч маяка виден на десятки километров; если дядя Кан обнаружит его отсутствие — может, заметит свет.

Впрочем, нашёлся способ лучше.

На маяке ловил телефон.

Он открыл журнал вызовов. Номер Гуань Хэна — вчерашний — всё ещё был там.

Глядя на эту строку цифр, Нин Цюянь вспомнил его слова.

«Твоё тело, твои поступки, твои мысли — без остатка, всё мне».

«Я беру на себя все твои потребности. Включая твою абсолютную безопасность».

«Запомни».

Кончики пальцев Нин Цюяня покалывало.

Он помедлил — и нажал вызов.

Трубку сняли.

На том конце было тихо, но он знал: там слушают.

Прикусив губу, он заговорил как можно короче и по существу:

— Господин Гуань, я ходил на ферму и заблудился. Я на маяке. Вы видите свет?

Голос Гуань Хэна — такой же ровный:

— Вижу тебя.

Почти одновременно с его словами Нин Цюянь услышал звук мотора.

Уже совсем стемнело.

К подножию маяка подъехала машина. Водитель вышел и помахал наверх.

Нин Цюянь вскочил и бегом спустился вниз.

Ночной ветер пронизывал до костей; его обдало ледяным холодом, и он мелко задрожал.

Забравшись в салон, он увидел: на дальнем краю заднего сиденья сидел Гуань Хэн, в наброшенном на плечи пальто. Тёмные глаза смотрели на него.

Нин Цюянь не знал, что Гуань Хэн в машине. Не ожидал, что тот приедет сам.

На мгновение он совершенно растерялся, залившись краской от стыда за собственную глупость и за то, что потревожил его:

— Простите... Я не думал, что заблужусь на такой простой дороге... И в телефоне был только ваш номер...

Гуань Хэн держал в руке мобильный, экран ещё не погас. Ни тени раздражения.

Он перебил Нин Цюяня и произнёс:

— Молодец.

<http://bllate.org/book/17881/1710814>